

УДК 82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.208

ОБРАЗ АДАМА В ПОЭМЕ Ф. Н. ГЛИНКИ «ТАИНСТВЕННАЯ КАПЛЯ»

А. О. Дроздова

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье на основе толкования библейской истории о сотворении мира и грехопадении Адама рассматривается вопрос о влиянии канонической интерпретации этого сюжета на образ героя в поэме Ф. Н. Глинки «Таинственная капля».

Ключевые слова: Ф. Н. Глинка, «Таинственная капля», образ Адама, ветхозаветное пространство, библейский сюжет, интерпретация.

Одна из начальных глав религиозной поэмы Ф. Н. Глинки «Таинственная капля. Народное предание» посвящена ключевой во всём Ветхом Завете истории сотворения первого человека и его изгнания из Эдемского сада. Этот эпизод в разных вариациях сохранен в преданиях почти всех древнейших народов, особенно семитского происхождения, а в древнерусской литературе есть целые сюжеты, посвященные Адаму и Еве, событиям их жизни, продолжающим книгу Бытия.

Традиционно в трудах, посвященных толкованию Библии, рассматриваются два противоположных по содержанию взгляда на образ Адама. В святоотеческой литературе и в исследованиях более поздних комментаторов, например в «Толковании к Священному Писанию» А. Лопухина, говорится о том, что Адамом в Библии назван не только первый сотворенный из земного праха человек (характерный образ для Ветхого Завета), но и обновленный духовным познанием христианин. Кроме того, «Вторым Адамом» в новозаветной традиции, по определению Апостола Павла, назван образ Спасителя Христа [5, с. 312; Кор. 15: 45–49]. В данной статье имеется в виду первое толкование образа Адама, героя ветхозаветной истории, в котором соединены два начала: «дыхание жизни» и «прах земной», или «вещественность» [9, с. 51].

В ветхозаветной истории фигура Адама является одной из самых главных. Именно с его сотворения и дальнейшего грехопадения начинается так называемое Пятикнижие Моисеево. В поэме Глинки образ первого сотворенного человека также имеет важное значение. Он дополняет основную сюжетную линию поэмы о встрече Святого Семейства на пути в Египет с разбойниками и создаёт особую мозаичную структуру произ-

© Дроздова А.О., 2022

ведения наряду с многочисленными картинами из ветхозаветной и новозаветной истории. Эти эпизоды выполняют миссионерскую роль, перво-степенную в авторском замысле.

Глинка раскрывает разные функции собирательного образа Адама. Поэма не случайно названа народным преданием, именно с духовными кантами и песнями связана функция образа Адама как основателя всего человеческого рода. У Глинки встречаем монолог Адама: «я – первород и я – родоначальник живых и мыслящих и говорящих ... я – первая душа – прапращур душ грядущих – я светильник душедарный для всех зажжённый Богом» [3, с. 34]. Ср.: «у нас мир-народ от Адамия» [6, с. 307].

Но большее значение для Глинки имеет тема покаяния Адама после его грехопадения. Именно мотив покаянного плача Адама зачастую встречается в народной поэзии и в церковных песнопениях Великопостной триоди. Сравним стихирю из церковной службы в неделю, предшествующую Великому посту, и её поэтическое оформление у Глинки: «Седе Адам прямо рая, и свою наготу рыдая плакаше: увы мне, прелестию лукавою увещанну бывшу и окрадену и славы удалену!...» [8, с. 6]. Поэтическое переложение этой стихире у Глинки: «Сир, беден, хил, без опыта, без силы Весь обнажен от чистоты и света... Как я жалел утраченного счастья! Как тосковал о чудных прежних днях!.. Я приковал мой взор к вратам Эдема, я все о нем и думал и рыдал» [3, с. 44]. При кажущемся внешнем сходстве этих описаний можно всё таки отметить некоторые различия. У Глинки герой испытывает прежде всего жалость к себе, он тоскует по утерянному счастью, это ощущение самосожаления усиливается благодаря многократному повтору эпитетов в начале цитаты. А в церковном песнопении главным для Адама является чувство вины, которое подчеркнuto характерным для подобных по содержанию стихир междометием и местоимением «увы мне». В данном случае это сочетание имеет значение не просто сожаления или огорчения, оно обязательно связано с самоукорением.

Схожие скорбные чувства от духовного падения и отлучения от небесного блаженства выражены и в народной поэзии:

«Восплакался Адамий, перед раем стоя:

– Ты раю мой, раю, прекрасный мой раю!

Адам вопияше к Богу со слезами:

– Увы мне, грешному, увы беззаконному!...» [6, с. 307].

Всечеловеческой характер природы Адама, понятие «первородного греха» отмечено ещё в святоотеческой литературе и литургическом предании. У Св. Григория Нисского находим объяснение метонимичности имени Адам: «сие имя “Адам”... сотворенному человеку дается не как какому-либо одному, но как вообще роду» [7, с. 143]. «Общечеловечность» Адама подчеркивает и Глинка: «я вас родил с отравой разрушенья» «и ваших чад наследством будет – смерть!» [3, с. 34].

Адам предстает перед читателем поэмы в ретроспективе, он уже «приговорен к смерти» и теперь стоит «уныл и тих... с струящимся с чела рабочим потом» [Там же, с. 31], опираясь на заступ лопаты, в кругу семьи и своих потомков. В этом описании Глинка практически дословно цитирует стихи из второй главы книги Бытия «в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3:19), но интересна бытовая деталь, которая уточняет авторское описание – Адам у Глинки опирается на заступ лопаты.

Рассказ о жизни в Эдемском саду и последующем изгнании из него оформлены Глинкой в виде воображаемого рассказа Адама о своей судьбе детям, через его своеобразную исповедь. Глинка вносит в поэму достаточно конкретный, детализированный и поэтизированный образ Эдемского сада и блаженного состояния первых людей в нём. Адам идеализирован автором, он пребывает в полной гармонии с природой, самим собой и с Создателем. Первый человек был благословлен Богом и находился в состоянии совершенной духовной полноты и счастья, он должен был по завету «наполнять землю, и обладать ею, и владычествовать над рыбами морскими <и над зверями> и над птицами небесными, <и над всяким скотом, и над всею землею> и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1:28).

В книге Бытия мы видим описание жизни Адама в кратких и лаконичных фразах, которые уместаются в несколько стихов. У Глинки же оно дополнено лирическими и поэтическими образами. «Где все полно бессмертием и здоровьем» [Там же, с. 31], «где каждый лист благоухает жизнью» [Там же]. Сам сад метафорически назван «святой колыбелью невинности и счастья праотцев» [Там же, с. 32].

Особый акцент Глинка делает на наличие свободной воли у сотворенного человека и на его совершенство до грехопадения: «я Вечного прекраснейшая мысль», «все сущности вместив в себе природы, я был ее устами и умом» [Там же, с. 34]. Обозначена самостоятельность его выбора между добром и злом, последствия которого отразились на всем человечестве: «я создан был меж тленьем и нетленьем С возможностью избрать из двух одно» [Там же, с. 31].

Среди отличительных признаков «Таинственной капли» в целом можно отметить черты романтической поэмы: наличие многократных описаний экзотической природы, которая является участником событий человеческой истории, сверхъестественные начала, управляющие миром, одиночество героя, его неудовлетворенность действительностью. Например, ранние немецкие романтики идеализировали природу, говорили о необходимости слияния человека с ней (см.: [2, с. 15]). Эти идеализированные стремления представителей раннего романтизма очень схожи с библейскими образами состояния человека и мира до грехопадения. И. В. Карта-

шова также отмечает, что силы природы и метафизические, сверхъестественные начала зачастую принимают участие в событиях жизни героя, даже могут вносить собственную оценку его поступков [4, с. 17]. Все эти признаки характерны и для сюжета о грехопадении в поэме Глинки.

Если во время пребывания в Эдемском саду, как мы знаем из текста Бытия и находим у Глинки, Адам был наделён способностью понимать язык животных и птиц, без труда вникал во все законы природы, «прозрев в состав и тайнства природы», «созерцал их тайных сил движенье» [3, с. 35], а природа была союзником человеку в награду за его послушание Творцу, то после грехопадения все меняется. Природа становится враждебной Адаму, отныне она закрыта от него, «давно сошло серебряное море сторожевых, защитных облаков, и все эдемское заволокло» [Там же, с. 32]. Глинка вносит в структуру монологической речи- воспоминания Адама описание его диалога с «ветром рая», в котором звучит просьба изгнанника приносить ему «весть о Боге» [Там же, с. 44]. Этот диалог по своей структуре и содержанию максимально приближен к народной поэзии, в которой часто встречаются песни-обращения к силам природы, к матушке-земле. Фольклорный образ матери-земли, рождающей плод и дающей защиту изгнанному Адаму, выразительно подчеркивается Глинкой, герой в скорби «покрывал лобзаньем Матерь-землю» [Там же, с. 45]. Почти осязаемо становится восприятие Адамом воздуха, который ложился на грудь, «как тяжкий камень» [Там же]. Прежде дружелюбный рев зверей теперь является укором Адаму. Но всё ещё сохраняется его способность общаться с неживой природой, эта особенность, несомненно, связана со славянской мифологией и имеет народные корни. Примером этого может служить плач Адама к «деревам святым – братьям» и «рекам живым – сестрам» [Там же, с. 46]. С горестным рыданьем обращается он к ним с просьбой о заступничестве перед Создателем: «пошлите за меня свои молитвы» [Там же].

Следуя святоотеческой традиции толкования греха как повреждения человеческой природы, порабощения прежде свободной воли, Глинка описывает новое состояние Адама после изгнания как некую болезненность, поврежденность: «И заболел я раздвоением воли, Моя во мне распалась единица» [Там же, с. 49]. Человекоцентрично понимание Адамом своего места в мире, он говорит о себе: «я в теле мировом гниющий мозг», «семья преступного Адама! Ты страдание в наследство получаешь!.. нося мой грех и имя Адамитов» [Там же, с. 52].

Нужно отметить своеобразное представление Глинки вслед за характерными для XIX века традициями о противопоставлении невинной детской веры, основанной на послушании, и «греховного» ума, науки. Именно такое понимание взаимодействия науки и религии было характерно для того времени, несмотря на то что сам Глинка и многие церков-

ные деятели были прекрасно образованными людьми. Говоря об Адаме, Глинка упрекает его: «на Благодать ты выменял науку» [Там же], «ты пойдешь с заглохим, очерствелым сердцем бродить на ломких костылях ума!» [Там же, с. 53]. В данном случае, вероятнее всего, поэт обличает именно праздное любопытство, стремление получить научное знание в корыстных целях, «и веру детства оправдать поверкой» [Там же, с. 41].

Завершается монолог-исповедь Адама назидательным обращением к своим потомкам, в котором слышен и голос самого Глинки: «о, бойтесь же, слепые вы, греха» [Там же, с. 49]. Его дополняет пророчество о грядущем поколении, которое «будет век носить в своей груди и поле битв и целые сражения и вечный бунт и грусть без утоленья» [Там же, с. 53].

Итак, в формировании образа Адама Глинка опирался на устойчивую схему, принятую в святоотеческой традиции, которую расширил дополнительными средствами художественной выразительности и органично вписал в контекст повествования о новозаветных событиях, не оставляя при этом миссионерской и назидательной цели.

Список литературы

1. Библия: книги Ветхого и Нового Завета.
2. Габитова Р.М. Философия немецкого романтизма. Гельдерлин. Шлейермахер. Москва: Наука, 1989. 160 с.
3. Глинка Ф. Н. Таинственная капля: Народное предание: в 2 т. Москва: Типография М. Погодина, 1871. 678 с.
4. Карташова И.В. Этюды о романтизме. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. 182 с.
5. Лопухин А.П. Библейская история Ветхого и Нового Завета. Москва: Альфа-книга, 2019. 1215 с.
6. Стих о голубиной книге // Оксенов А.В. Народная поэзия. Былины, песни, сказки, поговорки, духовные стихи, повести. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1908. 356 с.
7. Творения св. Григория Нисского. Москва: Типография В. Готье, 1861. Ч. 1. 398 с.
8. Триодь постная. Москва: Правило веры, 2000. 1130 с.
9. Щедровицкий Д.В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. Москва: Теревинф, 2020. 1081 с.

TYPOLOGY OF THE IMAGE OF ADAM IN THE POEM OF FN GLINKA “MYSTERIOUS DROP”

A. O. Drozdova

Tver State University, Tver

The article, based on the interpretation of the biblical story about the creation of the world and the fall of Adam, examines the issue of the influence of the

canonical interpretation of this plot on the image of the hero in F. N. Glinka's poem "The Mysterious Drop".

Keywords: *F. N. Glinka, "The Mysterious Drop", Image of Adam, Old Testament, Exegetics.*

Об авторе:

ДРОЗДОВА Алина Олеговна – аспирант кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: aokomt@yandex.ru.

About the author:

DROZDOVA Alina Olegovna – Postgraduate Student at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova str.), e-mail: aokomt@yandex.ru.